

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СРЕДНЕМ ДИАЛЕКТЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются изменения смысловой структуры русских заимствований в говорах среднего диалекта татарского языка. Были исследованы лексические единицы, зафиксированные в диалектологических словарях татарского языка, а также лексический материал, собранный в ходе полевых экспедиций. Исследование показало, что преобладающее большинство русизмов подверглось семантическим преобразованиям: качественным изменениям значения, сужению или расширению семантического объема. Значительные расхождения в значениях заимствований и их прототипов можно объяснить стихийным, нерегулируемым характером заимствования русских слов в говоры среднего диалекта.

Ключевые слова: татарский язык, русский язык, языковые контакты, русские заимствования, средний диалект татарского языка, семантическое освоение.

Актуальность исследуемой проблемы. Русские слова проникли во все сферы жизни и деятельности татарского народа и составляют самый многочисленный пласт заимствований как литературной, так и диалектной лексики. Русизмы в татарском литературном языке изучены на достаточно высоком уровне, тогда как русские слова, заимствованные в народные говоры, не были системно исследованы. В этой связи нам представляется актуальным углубление существующей системы знаний о семантическом освоении русских заимствований на материале говоров среднего диалекта.

Материал и методика исследований. Автором настоящей работы был проведен теоретический анализ научной литературы по теме исследования, изучен лексический материал (более 1400 лексических единиц), полученный методом сплошной выборки из диалектологических словарей татарского языка и собранный автором во время полевых экспедиций.

Результаты исследований и их обсуждение. Заимствование иноязычной лексики является одним из способов обогащения словарного состава языка. Чужие слова чаще всего приходят в язык с новой вещью или понятием. В некоторых случаях они заменяют уже существующие в языке-реципиенте наименования или употребляются параллельно с

© Гайфуллина Д. А., 2017

Гайфуллина Динара Агзамовна – ассистент кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия; e-mail: gajfullina_dinara@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.11.2016

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СФ БашГУ (проект № В16-21)

соответствующими эквивалентами в качестве их синонимов [3, с. 134], [4, с. 92–93]. Заимствования включаются в семантическую систему принимающего языка, подчиняются закономерностям развития его основного словарного фонда. Лексически освоенными слова считаются тогда, когда они называют предметы и явления, присущие той действительности, в которой живет носитель заимствующего языка, когда в их значении ничто не указывает на иноязычное происхождение [8, с. 103].

По мнению лингвистов, интенсивность ассимилирующего воздействия языка-реципиента связана с условиями заимствования лексических единиц [1, с. 247], [2, с. 340]. Особенности освоения русизмов в татарских территориальных диалектах также обусловлены характером их заимствования. Слова переходили в народные говоры в процессе непосредственного общения татар с русским населением, и их проникновение носило стихийный, нерегулируемый характер, в связи с чем заимствования претерпели значительные фонетические, грамматические и семантические преобразования.

Смысловое освоение является, вероятно, самым сложным этапом вхождения слова в другой язык. Лексические единицы, функционирующие с тем же объемом значений, что и в языке-источнике, составляют лишь небольшую часть всех русских заимствований в говорах среднего диалекта татарского языка. Как правило, это моносемичная лексика, например: *конопля* > *канапил* ‘травянистое растение семейства тутовых, из стебля которого изготавливают пеньку, а из семян добывают масло’ [7, с. 372], *лиственница* > *лисбэн* ‘хвойное дерево с мягкой опадающей на зиму хвоей и ценной древесиной’ [7, с. 415], *лось* > *луч* ‘животное оленьего рода с лопастистыми рогами’ [6], *лягушка* > *лягуша* ‘болотное земноводное, гад, четвероногое животное, которое ходит прыжками (лягать)’ [6], *терн* > *дурнэ* ‘терновник, а также плод его’ [7, с. 1041].

Преобладающая часть заимствований подверглась семантическим изменениям, самыми распространенными из которых, согласно классификации, предложенной Л. В. Гребинник, являются:

- 1) качественные изменения в семантике слова;
- 2) сужение семантического объема слова;
- 3) расширение семантического объема слова [5].

В данной публикации остановимся подробнее на качественных изменениях в семантике русских заимствований в среднем диалекте татарского языка. Э. М. Ахунзянов подобного рода смысловые преобразования называет «переносом наименования» [2, с. 158] и выделяет три типа переноса:

- 1) по сходству признаков;
- 2) по смежности;
- 3) по сходству функций.

Рассмотрим эти изменения на конкретных примерах.

Перенос значения слова по сходству признаков наблюдается у многих русских заимствований в говорах среднего диалекта: название сукна со стоячим ворсом [7, с. 65] – *бобрик* – заимствовано в мамадышский говор как *бүберик* ‘ меховая оторочка на войлочных ботах, галошах’ [10, с. 141]. Лексема *болото* ‘топкое место со стоячей водой’ [7, с. 67] или ‘непросьхающая грязь от родников или от натека по рыхлой почве’ [6] заимствована в тарханский говор как *булата* ‘грязный’. Слово *землянка* ‘крытое углубление в земле, вырытое для жилья, укрытия’ [7, с. 296] стало употребляться в мензелинском говоре как *димнэнкэ* ‘помещение для мелкого скота, сделанное по типу полуземлянки, с крытым верхом’ [10, с. 202]. Лексема *лукошко* ‘ручная корзина из лубка

или прутьев' [7, с. 423] заимствована в тот же мензелинский говор как *лэвешкэ* 'посуда с ручкой и крышкой для воды' [10, с. 456]. Лексема *лог* 'широкий и длинный овраг' [7, с. 419] в пермском говоре служит для наименования долины, углубления между холмами, лощины – *лок* [10, с. 460]. Лексема *опара* 'заправленное дрожжами и забродившее жидкое тесто' [7, с. 578] в параньгинском говоре обозначает жидкую грязь – *апара* [10, с. 47].

Колонок 'хищный пушной зверек из семейства куниц' [7, с. 365] в златоустовском говоре обозначает животное, похожее по описанию на рысь – *каланук*: «внешне напоминает кошку, нападает на человека с дерева» [10, с. 269]. Надо полагать, в этом случае речь идет о переносе значения по признаку: оба животных – хищники, их шкуры покрыты мехом. Та же самая лексема в турбаслинском говоре служит для наименования другого представителя семейства куниц – *хорька*.

Малек 'кроха, крошка; малеш, мелочь, мелюзга, маленькие насекомые; самая мелкая рыбешка, моль, мулька, недавно вышедшая из икры; чистый сосновый молодой лесок, сосновая поросль' [6] в тарханском говоре – *мэлук* 'вид мелкой, длиной не более 10 см, бесчешуйчатой рыбы' [10, с. 473]. Перенос значения слова основан на сходстве по размеру.

В словаре В. Даля за лексемой *купырь* закреплены значения 'дягиль, будыль, морковник' [6]. В тарханском говоре слово употребляется как *купир* и обозначает 'укроп' [9, с. 182]. Перенос значения основан на внешнем сходстве: дягиль, морковник и укроп имеют соцветия зонтичного типа. Кроме того, укроп упоминается как одно из нескольких названий растения морковник, произрастающего на болотистой местности.

Слово *яшма* 'разновидность кварца с узорчатыми прожилками' [7, с. 1199] перешло в мамадышский говор как *йэшмэ* 'зеленый' [10, с. 244]. Наблюдается перенос значения по сходству цвета: этот полудрагоценный поделочный камень бывает самой разной окраски, в том числе и зеленой, причем зеленая яшма одна из наиболее распространенных.

Перенос значения слова по смежности наблюдается при заимствовании следующих лексем: *запонка* 'застежка, вдеваемая в петли мужской рубашки' [7, с. 277], 'пуговка на рубашку' [6] > *запунка* 'петля для пуговиц в одежде' [10, с. 198], *ограда* 'стена, решетка и т. п., которыми обнесен какой-нибудь участок земли' [7, с. 566] > *аграт* 'двор' [9, с. 18], *одер* 'старая изнуренная лошадь' [7, с. 567] > *айдур* 'телега, приспособленная для перевозки бревен' [10, с. 27], *музыкант* 'человек, который занимается игрой на музыкальном инструменте' [7, с. 465] > *музыкан* 'гармонь' [10, с. 485], *пастух* 'работник, который пасет скот' [7, с. 636] > *пастук* 'стадо' [10, с. 521]. Лексема *гарнец* 'мера сыпучих тел, особенно хлеба, осьмая доля четверика, 1/64 четверти; самая посуда в эту меру, деревянная или железная' [6] заимствована в мензелинский говор как *гарсы* 'гарнцевый сбор' [10, с. 151]. Слово *потрава* 'порча, истребление посевов, трав' [7, с. 738] в златоустовском говоре служит для наименования штрафа за потраву – *патрау* [10, с. 521].

По нашему мнению, перенос значения по смежности наблюдается и при заимствовании следующих лексических единиц: *крахмал* 'мучнистый углевод, добываемый из растений' [7, с. 388] > *кырахмал* 'сгнившая картошка' [9, с. 188–189], *металл* 'химически простое вещество (а также сплав), обладающее особым блеском, ковкостью, хорошей теплопроводностью и электропроводностью' [7, с. 445] > *митэли* 'металлическая посуда различной величины' [10, с. 480].

Перенос значения по сходству функций наблюдается у лексем, представляющих самые разные тематические группы: *лавка* ‘то же, что и скамейка’ [7, с. 403] > *алэукэ* ‘полок в парной бане’ [9, с. 396], *пастьба* ‘место, где скотина пасется, выгон, толока, паровое поле или пажить, луга’ [6] > *пажьбы* ‘участок, огороженный в лесу и служащий для пастьбы скота’ [10, с. 516], *конюшня* ‘помещение для лошадей’ [7, с. 376] > *кан’ушной* ‘теплое помещение для скота, сделанное из бревен’ [9, с. 158]. Слово *кошель* ‘кошелек; большая сумка’ [7, с. 385] заимствовано в значении ‘рюкзак, котомы’ – *кошол* [9, с. 184]. *Котомка* ‘сумка, носимая за плечами’ [9, с. 385] употребляется как *кыдумкы* ‘лукошко, кузов, кузовок, плетеная котомы’ [9, с. 185]. Название *валенки* ‘зимняя обувь, сапоги из валяной шерсти’ [7, с. 83] заимствовано в некоторые говоры Заказанья как *бэлүчки* ‘валяные башмаки’ [9, с. 67]. То же самое значение приобрели лексемы *галоша* ‘резиновая обувь, надеваемая поверх сапог, ботинок для предохранения их от сырости’ [7, с. 160] – *калуш* [9, с. 156] и *ботинок* ‘обувь, закрывающая ногу по щиколотку’ [8, с. 70] – *батиңка* [10, с. 103]. Вероятно, в двух последних случаях произошел перенос значения не только по функции (обувь), но и по признаку: и галоша, и ботинок не имеют голенища, закрывают ногу до щиколотки.

Необходимо отметить, что не представляется возможным распределить все случаи переноса значения по трем вышеприведенным группам. У целого ряда заимствованных лексем не наблюдается явно выраженной связи первоначального значения с приобретенным, прослеживается лишь некоторая ассоциативная связь, например: *мот* ‘расточительный человек’ [7, с. 463] > *мут* ‘страсть; живой, жизнерадостный, страстный’ [10, с. 488], *опальный* ‘находящийся в опале (т. е. в немилости у царя)’ [7, с. 578] > *апалный* ‘лишний, ненужный’ [10, с. 47], *оптом* ‘о купле-продаже товаров: большими количествами, крупной партией’ [7, с. 584] > *эптэм* ‘до конца, весь’ [10, с. 85]. К этой же категории относится лексема *подмога* ‘пособие, помощь’ [6], которая заимствована в мензелинский говор как *надбуг* ‘железные детали для соединения осей телеги’ [10, с. 515]. Прилагательное *достойный* ‘стоящий, заслуживающий, надлежащий, должный, приличный, сообразный с требованиями правды, чести; достойный человек, уважаемый, ценимый’ [6] употребляется в мензелинском говоре как *застуыйн* ‘здоровый человек’ [10, с. 199].

Нередки случаи, когда происходит перенос одного из нескольких значений слова. Например, лексема *гиря* ‘крупный разновес, обычно чугунный, от пудов и до долей фунта; в машинах, часах: груз, приводящий колеса в движение, и вообще всякий груз, тяжесть для противовеса; *перен.* тягота неуместная, помеха’ [6] заимствована как *гер* ‘весы в амбарах и на току’ [10, с. 153]. Очевидно, что приобретенное значение смежно с первым значением прототипа.

Слово *кокошник* ‘народный головной убор русских женщин, в виде опахала или округлого щита вокруг головы; у зодчих, полукруглые щиты, на стенах и на сводах церквей, обычно с писаными образами’ [6] при заимствовании в нукратовский говор получило значение ‘женский головной убор: маленькая тюбетейка, надеваемая на макушку вместо калфака’ [10, с. 268]. Произошел перенос первого значения по сходству функции, второе – утрачено.

Мазь ‘цвет, краска, шерсть (по цвету), особенно о лошадях; в картах, один из четырех отделов колоды, с особыми знаками; мазь, чем мажут’ [6] в каргалинском говоре – *мэчтэк* ‘мерин’ [9, с. 231]. Наблюдается перенос первого значения по смежности.

Одна и та же лексическая единица может быть заимствована с разной смысловой модификацией. Например, *мережка* ‘узорчатая полоска, род вышивки по продольным нитям ткани, сделанной после выдергивания поперечных нитей’ [7, с. 442] обозначает и бредень – *мәрәшкә* [10, с. 474], и защитную сетку от комаров – *мәрәшке* [9, с. 230]. В обоих случаях перенос основан на внешнем сходстве предметов.

За словом *веник* закреплены значения: 1) связка веток, прутьев с листвою, для парки в бане, для подметания пола, чистки платья; 2) связка стеблей травянистых; 3) пучок мелких и длинных древесных стружек, для спрыска белья, цветов [6]. В мензелинском, тепекеевском говорах лексема употребляется в значении ‘связка веток, прутьев с листвою, для парки в бане, для подметания пола’ – *миннек* [10, с. 479], в параньгинском – в значении ‘веник для подметания пола’ – *миннек* [10, с. 479], в златоустовском говоре слово *миндек* служит для наименования веника для парной, а также приобретает дополнительное значение – ‘молодые побеги, приготовленные к зиме для ягнят’ [10, с. 479]. В лаишевском говоре слово употребляется только в этом вновь приобретенном значении – *минек* [10, с. 479].

Резюме. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что преобладающая часть русских заимствований в говорах среднего диалекта татарского языка подверглась семантическим преобразованиям. Приведенные примеры демонстрируют многогранность процессов смыслового освоения русизмов и подтверждают перспективность исследования данного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – М. : Флинта ; Наука, 2012. – 376 с.
2. Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1968. – 367 с.
3. Будагов Р. А. Введение в науку о языке : учеб. пособие. – М. : Добросвет-2000, 2003. – 544 с.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. – Киев : Вища школа, 1979. – 264 с.
5. Гребинник Л. В. Модификации смысловой структуры немецких заимствований в процессе их освоения в русском языке // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2007. – № 3. – С. 145–149.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4 т. – М. : АСТ ; Астрель, 2001.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс ; Мир и образование, 2005. – 1200 с.
8. Самотик Л. Г. Лексика современного русского языка : учеб. пособие. – М. : Флинта, 2012. – 510 с.
9. Татар теленең диалектологик сүзлеге / төз. Ф. С. Баязитова һ. б. – Казан : Татар китап нәшрияты, 1993. – 461 б.
10. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз. Ф. С. Баязитова һ. б. – Казан : Татар китап нәшрияты, 2009. – 839 б.

UDC 811.512.145'282;811.161.1'373.613

D. A. Gayfullina

SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN BORROWINGS IN THE MIDDLE DIALECT OF THE TATAR LANGUAGE

Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia

Abstract. This article discusses the changes in the semantic structure of the Russian borrowings in the subdialects of the middle dialect of the Tatar language. The author investigated the lexical units recorded in dialectological dictionaries of the Tatar language, and lexical material collected during the field research. The study showed that the vast majority of the Russian words have undergone semantic transformation: a qualitative change of values, narrowing or extension of the semantic scope. Significant differences in the meanings of the borrowings and their prototypes can be conditioned by spontaneous, unregulated nature of the Russian borrowings in the subdialects the middle dialect.

Keywords: *Tatar language, Russian language, language contact, Russian borrowings, medium dialect of the Tatar language, semantic development.*

REFERENCES

1. *Arnol'd I. V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka : ucheb. posobie. – 2-e izd., pererab. – M. : Flinta ; Nauka, 2012. – 376 s.*
2. *Ahunzjanov Je. M. Russkie zaimstvovanija v tatarskom jazyke. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1968. – 367 s.*
3. *Budagov R. A. Vvedenie v nauku o jazyke : ucheb. posobie. – M. : Dobrosvet-2000, 2003. – 544 s.*
4. *Vajnrakh U. Jazykovye kontakty. Sostojanie i problemy issledovanija / per. s angl. – Kiev : Vishha shkola, 1979. – 264 s.*
5. *Grebinnik L. V. Modifikacii smyslovoj struktury nemeckih zaimstvovanij v processe ih osvoenija v ruskom jazyke // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – 2007. – № 3. – S. 145–149.*
6. *Dal' V. I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: sovremennoe napisanie : v 4 t. – M. : AST ; Astrel', 2001.*
7. *Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. – 24-e izd., ispr. – M. : Oniks ; Mir i obrazovanie, 2005. – 1200 s.*
8. *Samotik L. G. Leksika sovremennogo russkogo jazyka : ucheb. posobie. – M. : Flinta, 2012. – 510 s.*
9. *Tatar telepeñ dialektologik syzlege / toz. F. S. Bajazitova h. b. – Kazan : Tatar kitap nashrijaty, 1993. – 461 b.*
10. *Tatar telepeñ zur dialektologik syzlege / toz. F. S. Bajazitova h. b. – Kazan : Tatar kitap nashrijaty, 2009. – 839 b.*

© Gayfullina D. A., 2017

Gayfullina, Dinara Agzamovna – Assistant, Department of Tatar and Chuvash Philology, Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia; e-mail: gajfullina_dinara@mail.ru

The article was contributed on November 24, 2016